

УДК 94(47)"1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/13

КРАСНЫЙ ТЕРРОР И ЛИКВИДАЦИЯ КИЕВСКОГО КЛУБА РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (ВЕСНА – ЛЕТО 1919 г.): ФАКТЫ И ВЕРСИИ

Т.В. Кальченко¹, А.А. Чемакин²

¹Киевский национальный экономический университет
им. Вадима Гетьмана

Украина, 03680, г. Киев, пр. Победы, 54/1

E-mail: timur20101@yandex.ua

²Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Авторское резюме

Киевский клуб русских националистов (ККРН) был ведущей консервативной организацией в юго-западном регионе Российской империи. Расстрел действующих и бывших членов клуба, произведенный киевской Чрезвычайной комиссией весной-летом 1919 г., является достаточно известным эпизодом гражданской войны. Но, к сожалению, данное событие до сих пор не было подробно изучено. Обычно все сводится к тексту В.В. Шульгина о том, что киевская Чрезвычайная комиссия раздобыла список членов клуба за 1911 г. и расстреляла всех не успевших бежать; из-за этого пошли разговоры о том, что евреи-чекисты расстреливают русских по алфавиту, главным же виновником расправы считали Троцкого. Благодаря работе с мемуарной литературой и материалами Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива общественных объединений Украины, удалось реконструировать ход событий и подробно изучить протоколы допросов арестованных. Так, было установлено, что Троцкий не имел прямого отношения к произошедшему, а расстрелы производились по списку клуба не за 1911 г., а за 1913 г. Несмотря на значительную роль евреев и украинских левых эсеров в Чрезвычайной комиссии, прямых доказательств того, что они уничтожили ККРН по «национальным» мотивам, нет. Главной причиной репрессий против клуба русских националистов было то, что в глазах большевиков он являлся организацией «буржу-

азной», «империалистической» и «контрреволюционной», и поэтому вряд ли ККРН мог избежать своей судьбы. Но при этом отдельные чекисты вполне могли руководствоваться чувством «национальной» мести в неменьшей степени, чем большевистской идеологией или желанием арестованных.

Ключевые слова: Киевский клуб русских националистов, Чрезвычайная комиссия, гражданская война в России, красный террор, В.В. Шульгин, А.И. Савенко, Л.Д. Троцкий, Н.В. Краинский, Ю.А. Яворский.

RED TERROR AND THE LIQUIDATION OF THE KIEV CLUB OF RUSSIAN NATIONALISTS (THE SPRING AND SUMMER OF 1919): FACTS AND VERSIONS

T.V. Kalchenko¹, A.A. Chemakin²

¹Vadym Hetman Kyiv National Economic University

54/1 Pobedy Avenue, Kyiv, 03680, Ukraine

E-mail: timur20101@yandex.ua

²Russia, Saint Petersburg

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Abstract

The Kiev Club of Russian Nationalists (KCRN) was the leading conservative organisation in the South-Western region of the Russian Empire. The shooting of the current and former members of the Club by the Kiev Cheka in the spring and summer of 1919 is a well-known episode of the Civil War. However, unfortunately, it has not been studied thoroughly enough yet. It all usually comes to V.V. Shulgin's report, which states that the Kiev Cheka obtained the 1911 list of the Club members and shot everyone who had not been able to escape immediately. This provoked the talks that the Jews from Cheka shot Russians in the alphabetical order, with Trotsky considered the main person responsible for the bloodbath. While reading memoirs and materials from The State Archive of the Russian Federation and The Central State Archive of Public Organisations of Ukraine, the authors managed to recreate the course of events and study carefully the records of interrogation. It has been revealed that Trotsky was not involved directly in what happened and the shootings was based not on the Club member list for 1911, but on that for 1913. Though the Jews and the Ukrainian Left Socialists-Revolutionaries

played an important role in the Cheka, there are no direct proofs that the KCRN was liquidated due to the "national" reasons. The main reasons for the repressions against the Club of Russian Nationalists was that the Bolsheviks considered it a "bourgeois", "imperialist" and "counter-revolutionary organisation", so the KCRN could hardly avoid its fate. However, some chekists might have been driven by "national" revenge feelings as much as by Bolshevism ideology and desire to rob the prisoners.

Keywords: Kiev Club of Russian Nationalists, Cheka, Russian Civil War, Red Terror, V.V. Shulgin, A.I. Savenko, L.D. Trotsky, N.V. Krainsky, Yu.A. Yavorsky.

В 1910-е гг. Киевский клуб русских националистов (ККРН) был ведущей русской организацией в юго-западном регионе Российской империи, хотя большинству наших современников эта организация известна лишь в связи с репрессиями, обрушившимися на него в 1919 г. Редактор «Киевлянина» и член клуба В.В. Шульгин в одной из своих книг сообщал о том, что «чрезвычайка раздобыла печатный список членов клуба русских националистов, список, относящийся еще к 1911 году, и всех не успевших умереть или бежать членов клуба, занесенных в сей список, расстреляла. Разумеется, это произвело сильнейшее впечатление. И отсюда пошла молва, что "жиды расстреливают русских по списку". Или еще, как говорили некоторые: "по алфавиту"» (Шульгин 1929: 91).

В единственной на данный момент работе, посвященной ККРН, основное внимание уделено преимущественно предвоенному периоду, а также биографиям членов клуба (Кальченко 2008). При этом история гибели членов клуба в 1919 г. до сегодняшнего дня практически не изучена и именно поэтому остается полем для разнообразных спекуляций.

Необходимо отметить, что к весне 1919 г. ККРН фактически не существовал. Еще в 1913–1914 гг. из организации вышли многие члены, придерживавшиеся крайне правых взглядов, остальные же во главе с председателем клуба А.И. Савенко постепенно сдвигались влево. В марте 1917 г. ККРН поддержал новую власть и переименовался в Клуб прогрессивных русских националистов (РГИА: 5). В дальнейшем он стал основой для Внепартийного блока русских избирателей, в январе 1918 г. занявшего первое место по Киеву на выборах в украинское Учредительное собрание (25 428 голосов, т. е. 29,53 %) (Наслідки 1918: 9–10). В конце 1918 и начале 1919 г. в связи с приходом петлюровцев почти весь действующий актив клуба во главе с А.И. Савенко был вынужден бежать из Киева в Одессу. Последние сведения о подпольной деятельности организации относятся к январю 1919 г. (НИА). В Киеве в основном остались

бывшие члены клуба, вышедшие из него из-за разногласий с Савенко или по иным причинам. Решение остаться в родном городе, власть в котором вскоре сменилась на большевистскую, стало для них роковым.

В мае 1919 г. прошли массовые аресты бывших и действующих членов ККРН. Чекисты (рис. 1) в спешке брали всех тех, кого удалось обнаружить согласно найденному ими списку членов клуба, о котором будет сказано ниже (рис. 2).

В газете «Большевик» были опубликованы два списка расстрелянных в ходе красного террора членов монархических организаций, в том числе Союза русского народа и Клуба националистов. В первом списке (от 24 мая) было 44 чел. (Расстрел 1919а: 2), во втором (от 12 июля) – 7 (Расстрел 1919б: 2). Данные о погибших несколько разнятся. Так, например, в справке из коллекции С.П. Мельгунова в Гуверовском архиве указано, что погибли 82 члена клуба (КГТО: 80). А.И. Савенко писал, что было замучено около 70 чел. (Савенко 1919б: 1). Адвокат А.А. Гольденвейзер упоминал о 68 погибших (Гольденвейзер 1922: 251). Профессор Н.В. Краинский сообщал про 45 чел., расстрелянных «в два приема» (Краинский 2016: 259). На наш взгляд, достоверно можно говорить о 53 погибших, хотя число арестованных Чрезвычайной комиссией (ЧК) членов клуба было больше (письмоводитель управления Юго-Западных железных дорог М.И. Бурдынский, счетовод того же управления Д.П. Головушкин, купец А.И. Писарев,

Рис. 1. Киевская губернская ЧК. Весна 1919 г. Слева направо: в первом ряду четвертый – Дегтяренко; во втором ряду: первый – Рубинштейн, третий (№ 8) – Сорин, четвертый (№ 7) – Яковлев, пятый – Лашкевич; стоят в третьем ряду: первый – Шварцман, второй – Угаров, девятый – Савчук (ГАРФ: 28 об.).

кондитер С.Т. Нечаев, зубной врач Л.И. Горощенко и др. были в разное время освобождены из-под стражи).

Все аресты, сопровождавшиеся обысками, проводились представителями ЧК Рубинштейном и Павловым за полночь или ранним утром в присутствии председателей домовых комитетов. Задержанные препровождались в здание ЧК на Елизаветинской улице на Печерске и размещались в общей камере. Первая группа членов ККРН (здесь и далее мы будем для удобства говорить о членах клуба, хотя многие таковыми уже не являлись) в количестве 8 чел. оказалась в застенках ЧК 12 мая 1919 г., некоторые были арестованы на следующий день. Большинство же членов клуба были взяты под стражу в ночь с 13 на 14 мая 1919 г. Несколько человек попали в ЧК в ночь с 16 на 17 мая и один (Б.Н. Левестам) по доносу – 26 июня.

Большинство подробных протоколов обысков отсутствует. Это объясняется фактами банального грабежа потенциальных жертв. В некоторых случаях известно, что были изъяты следующие вещи: документы и переписка у Д.П. Андреева (ЦГАООУ 4: 1–1 об.); 7 600 руб., часы и портсигар у М.И. Бурдынского (ЦГАООУ 7: 33–33 об.); 100 руб. и бутылка вина у Б.Н. Левестама (ЦГАООУ 5: 21–21 об.); монета, три ключа и нож у М.П. Минникова (ЦГАООУ 8: 45–45 об.); шкаф с имуществом и книгами у Г.Г. Молодовского (ЦГАООУ 6: 16–16 об.); 200 руб., часы с золотой цепочкой, ключи у Н.С. Неминского (ОГА СБУ 2: 10–10 об.); старинное кольцо-печатка, три золотые шпильки,

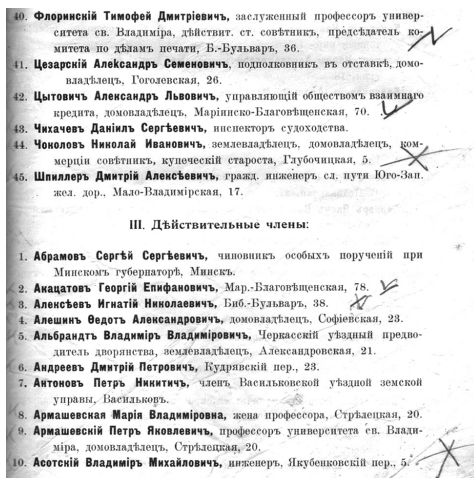

Рис. 2. Фрагмент «расстрельного» списка с пометками чекистов. Май 1919 г. (ГАРФ: 91).

32 фунта серебра, золотые турецкая и французская монеты, 4 печати у Н.Н. Раича (ОГА СБУ 1: 1–1 об.); 1 200 руб. у А.А. Тоболина (ЦГАООУ 7: 20–20 об.). Наиболее полным представляется список отобранного у И.Ф. Молодовского. В него вошли многочисленные серебряные предметы (ножи, вилки, ложки, соусники, рюмки, солонки, кошелек с тремя серебряными брелоками, шкатулка, пояс с пряжкой и брелоком и кинжалом, 11 позолоченных женских коробочек, более 150 монет, 40 руб. серебром, 3 медали); золотые ювелирные изделия; коробочки с эмальями (ЦГАООУ 6: 16–16 об.). Допросами занимались дежурные следователи (Лазурнина, Равер, Тартаковский, Берман, Гринштейн, Алексеев, Сидоренко). На последних четырех приходится основная масса протоколов.

Протоколы допросов содержали в первую очередь описание социального и имущественного положения арестованных, давали информацию о наличных средствах и банковских счетах. Кроме того, бывшие члены клуба с той или иной степенью детализации выявляли свои прошлые убеждения и отношение к новой власти. Показательно, что большинство из них тщательно скрывали свои взгляды и затушевывали активное участие в заседаниях клуба. Практически никто не признался в симпатиях к монархии; единственное, что роднило многих, это неприятие украинской самостийности и того хаоса, который творился на окраинах бывшей Российской империи. Характерными примерами трансформации взглядов бывших членов ККРН являются протоколы допросов некоторых влиятельных его участников.

Так, бывший товарищ председателя ККРН П.Я. Армашевский утверждал: «Состоял членом Клуба русских националистов в 1910 или 1911 году, пробыл около года, вступил членом по предложению профессора Чернова, бывал редко на докладах, активного участия не принимал. Выбыл из членов клуба, не желая участвовать в организации, имеющей националистический характер, так как вообще политикой не интересуюсь, всецело работая в области науки...» (ЦГАООУ 8: 35–35 об.).

В свою очередь, действительный член клуба И.Я. Павлович показал: «В 1907 году я был выбран в 3-ю Государственную Думу от мелких собственников Минской губ[ернии], где примкнул к блоку русских националистов. В то время я полагал, что для России необходима конституционная монархия. В настоящее время считаю себя б[ес]-п[артийным] республиканцем. К украинскому движению отношусь резко отрицательно, считаю, что Россия должна быть в целом едина. Всей душой сочувствую государственному строительству, проводимому Советской властью, ибо она стремится соединить отдельные части России, а не раздроблять, как петлюровцы или гетман» (ОГА СБУ 2: 20).

Действительный член ККРН и известный специалист по украинскому вопросу С.Н. Щеголев дал такие показания: «В 1907 г. я возвратился в Киев после тринадцати лет службы в провинции для воспитания своих детей. В члены Клуба русских националистов я вступил в 1908 г., в котором состоял до 1913 г., до дела Ющинского. Активного участия в работе клуба не принимал. За пять лет посетил три-четыре заседания членов клуба, посвященных украинскому вопросу, над которым я работал как публицист. Уход мой из клуба был вызван негодованием по адресу председателя клуба Савенко, который в суде по делу Бейлиса стремился к погромной агитации, завидуя Кишиневу и Белостоку. Советской власти не только сочувствую и не только состою на советской службе (сотрудник Губкомздрава), но готов посвятить ей свои силы на укрепление этой власти» (ЦГАООУ 3: 3).

Учредитель ККРН и Крещатикского отдела Союза русского народа А.П. Слинко также стремился всячески отмежеваться от деятельности организации, заявляя: «В Клуб русских националистов я записался просто для посещения клуба как любитель игры в винт и никакой политикой никогда не занимался. Даже не могу сказать, что за цель имел этот клуб. В настоящее время я подчиняюсь всякой власти, какая существует. Но желал бы такую власть, которую бы поддерживали массы и которая могла бы поддержать порядок» (ЦГАООУ 8: 9–9 об.).

Значительная часть арестованных действительно не имела после февраля 1917 г. никакого отношения к политике. А.А. Гольденвейзер вполне справедливо отмечал, что большинство жертв «было политически бесцветно и состояло в клубе националистов только потому, что того требовало их служебное положение и господствовавшие в этих кругах правила приличия и тона» (Гольденвейзер 1922: 252). А.И. Савенко и В.В. Шульгин рассказывали о героическом поведении на допросе одного из основателей клуба Е.А. Дворжицкого, который, понимая, что подписывает себе этим смертный приговор, якобы демонстративно заявил чекистам: «Я националист и монархист и жду спасения России только от генерала Деникина и Добровольческой армии» (Савенко 1919b: 1; Шульгин 1924a: 2). В показаниях же нет ничего подобного. Дворжицкий не отрицал членства в организации, говоря, что его привлекал лозунг «Единая, неделимая Россия», но при этом добавлял, что сам активно никогда не выступал, а в ККРН ничего черносотенного не видел. Также он сообщил, что к гетману и Петлюре относится отрицательно из-за насильственной украинизации, и что, по его мнению, «должно быть то правительство, которое осуществило бы на деле все свободы, предоставило работу всем трудящимся» (ЦГАООУ 4: 16).

Каждый следователь оставлял свое особое мнение об арестованном, иногда выдвигая предложения в отношении его дальнейшей

судьбы: «...безусловно, националист, очень яркий черносотенец» (ЦГАООУ 4: 27) – после допроса Д.П. Андреева; «человек по характеру ведомый, чем в качестве руководителя... безусловно, необходимый для государственного строительства» (ЦГАООУ 8: 37) – после допроса П.Я. Армашевского; «спекулянт, но мелкий. Пусть посидит. Член-сотрудник. Расстрелять?» (ЦГАООУ 7: 8) – после допроса К.Г. Данилова; «производит впечатление недалекого монархиста, по своей глупости говорит всю правду, не понимая значения» (ЦГАООУ 1: 9) – после допроса В.Р. Рыжковского. Совершенно фантастическая характеристика была дана следователем Лазурниной бывшему секретарю ККРН, вице-директору Лесного департамента во времена гетмана А.Ф. Никифорову: «Дворянин, окончил кадетский корпус. Счастлив был при Николае II, когда ему так хорошо жилось. Определенно контрреволюционер» (ЦГАООУ 2: 32).

Через несколько дней после допроса следовало заседание Особой комиссии при Киевской губернской ЧК. Так, например, заседание ЧК 19 мая, на котором были приговорены к смерти С.Н. Щеголев, А.П. Бобырь, И.Ф. Моссаковский, Н.Н. Раич, Г.И. Приступа, П.Я. Армашевский и ряд других членов ККРН, проходило в следующем составе: глава Киевской губернской ЧК Дегтяренко (председатель), Шуб (секретарь), глава Всеукраинской ЧК Лацис, Яковлев, Шварцман, Савчук, Угаров, Гринштейн (НЧС 1924: 205–207). На заседании 21 мая 1919 г., на котором приговорили к расстрелу П.А. Гомоляку, не было Яковлева, но зато дополнительно присутствовали заведующий юридическим отделом Валер и инспектор Лашкевич (ГАРФ: 121).

В подавляющем большинстве членам клуба в порядке проведения в жизнь красного террора были вынесены приговоры о применении высшей меры наказания (расстрела) с конфискацией имущества. Расстрелы производились через несколько дней (обычно в три часа ночи), а в отдельных случаях в 24 часа после вынесения приговора. Большинство участников ККРН погибли 22 мая 1919 г. Расстрелянных можно условно разделить на четыре группы: *элита клуба и городского общества* (14) – бывший вице-губернатор И.М. Неклюдов, ученые П.Я. Армашевский, Т.Д. Флоринский, публицист С.Н. Щеголев, член-учредитель клуба Е.А. Дворжицкий, казначей ККРН Н.В. Мальшин, директора гимназий И.Я. Павлович и Д.П. Янковский и др.; *предприниматели, торговцы и банковские работники* (14) – купцы В.В. Коноплин, А.С. Новиков, А.П. Слинко, директор Киевского земельного банка А.А. Тоболин, заведующий облигационным отделом того же банка Н.С. Неминский и др.; *служащие* (16) – конторщик Т.А. Брояковский, инженер Н.Ф. Купчинский, преподаватель реального училища И.П. Матченко, присяжные поверенные М.П. Минников и Г.И. Приступа и др.; *мещане и домовладельцы* (9) – дворянин

И.Ф. Моссаковский, слесарь А.Я. Буравкин, мещанин И.А. Башин, домовладелец Н.Г. де-Векки и др.

Чем же была вызвана расправа с клубом и кто был ее инициатором?

Сами представители советской власти объясняли произошедшее следующим образом: «Ожесточенное сопротивление буржуазии всем мероприятиям рабоче-крестьянской власти, подлая организация восстаний темных людей под предводительством проходимцев вроде Григорьева или Зеленого и при благосклонном участии городского хулиганья – все это заставило нашу власть принять исключительные меры – красный террор». Именно поэтому Киевская губернская ЧК приступила к работе, в которой «есть известная планомерность (как оно и должно быть при красном терроре)». Отмечалось, что «в первую голову пошли господа из стана русских националистов», и выбор этот сделан очень удачно: «Клуб русских националистов с Шульгиным и Савенко во главе был самой мощной опорой царского трона, в него входили помещики, домовладельцы и купцы правобережной Украины. Клуб был центром всероссийской реакции и вожаком ее империалистических стремлений. Выражая грабительские интересы пихновского помещичества, клуб играл не последнюю роль в нарастании конфликта между царскою Россией и императорскою Австро-Венгрию; перспектива выжимания соков из галицийских крестьян непреодолимо тянула савенковское панство к "освобождению" "подъяремной Прикарпатской Руси". За одно это, за подстрекательство царского правительства к войне, клуб должна была постигнуть справедливая кара со стороны власти тех, кто должен был положить свою голову на этой войне за помещицкие карманы. Расстрел монархической организации в значительной степени лишает господ Колчака, Деникина, Клемансо и Ллойд-Джорджа возможности иметь тут свой штаб, свою разведку и т.п. Сколько ни было правительств после революции, ни одно из них не трогало пихновского гнезда. Поэтому вся масса черносотенной буржуазии, голосовавшая за "русский список" <...>, чувствовала себя в Киеве очень спокойно. Теперь ей придется туже...» (Красный террор 1919: 1).

Выходившая в Екатеринодаре газета «Великая Россия» объясняла случившееся тем, что «в Киеве в это время находился Троцкий. Киевская чрезвычайка, желая показать Троцкому свою энергию и деятельность, произвела массовые аресты членов клуба». Поводом же для арестов якобы стал список членов клуба, найденный при обыске в квартире профессора Т.Д. Флоринского (Киевская Гекатомба 1919: 2). Этой же версии придерживался и В.В. Шульгин, считавший расправы над русским населением Киева следствием приезда Троцкого.

Особенно он отмечал расправы над деятелями суда, каковые, по его мнению, являлись мстью за процесс Бейлиса (Шульгин 1924b: 2). Шульгин писал, что «Бронштейн-Троцкий перечислил намечаемые жертвы по сословиям и профессиям. И когда слушатели расходились с этой страшной лекции, у них за сгорбленной спиной трепетало жуткое чувство: *призыв Троцкого означал избиение русской интеллигенции*. Да, потому что перечисленные им сословия и профессии насчитывали в своих рядах подавляющее число русских» (Шульгин 1929: 92). Но на самом деле Шульгин, отсутствовавший в Киеве в те дни, опирался на рассказы других людей.

Так, в «Киевлянине» была опубликована статья некой дамы под псевдонимом «Вендетта», которая рассказывала о посещении Киева Троцким во второй половине июля 1919 г. (хотя она тут же оговорила: «не скажу с уверенностью, когда это было»). По ее словам, Троцкий заявил: «Чиновники, лакеи старого режима, судебские, издевавшиеся в судах, педагоги, развращавшие в своих школах, помещики и их сынки-студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие – все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнаты к земле». «Кого можно – уничтожить, а остальных прижать так, чтобы они мечтали о смерти, чтобы жизнь была хуже смерти». По словам «Вендетты», «в огромном русском городе – матери русских городов, перед многосотенной толпой шла жгучая проповедь "русского погрома" – потому что к перечисленным категориям принадлежали только русские, и запуганные пулеметами люди – молчали» (Vendetta 1919: 1).

На самом же деле Троцкий выступал на рабочем митинге в Киеве не в июле, а 20 мая 1919 г. Его речь была посвящена вопросам организации советской власти, укрепления армии и фронта, борьбе с мятежом Григорьева. Он заявил, что «буржуазия как класс должна быть уничтожена», что с ней «мы должны продолжать отчаянную борьбу на жизнь и на смерть и не дать ей поднять голову» (Троцкий 1926: 176). Несмотря на это, ничего похожего на цитаты, приведенные в «Киевлянине», в его речи не было. К тому же в то время аресты русских националистов были уже в самом разгаре. Таким образом, Троцкий вряд ли являлся организатором репрессий против клуба, хотя нельзя исключать, что киевские чекисты хотели отличиться перед высоким гостем из Москвы. Про киевский визит Троцкого вообще ходило довольно много слухов: например, он якобы заявил, что «Киев ему напоминает редиску – снаружи она красна, а внутри бела. Надо, чтобы Киев сделался совершенно красным» (КТГО 2010: 68).

«Еврейской» версии (но без каких-либо отсылок к Троцкому) придерживался профессор Н.В. Краинский, в 1919 г. бывший чле-

ном Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков и работавший с документами киевской ЧК. По словам Краинского, в мае 1919 г. происходит первая серия убийств в рамках красного террора: «Убивались, без разбора виновности, все находившиеся в арестных помещениях Чеки. Но так как их, очевидно, было недостаточно, то "комиссия по выполнению красного террора" в составе Рубинштейна, Лашкевича (именуемого российским Маратом) и Яковлева-Демидова, воспользовавшись киевским календарем издания Оглоблина 1911 г., выловила и перебила всех тех, кто числился тогда в списке Клуба националистов. Хотя выполняла эти деяния Чека, но действовала она по санкции Раковского» (Краинский 1924: 2). При этом непосредственным организатором уничтожения клуба он считал председателя Киевской губернской ЧК Сорина (Блувштейна), который «был фанатиком еврейского национализма» и «соблюдал исключительно еврейские интересы». Именно Сорин, по его мнению, перенес деятельность ЧК с «борьбы против бандитизма на борьбу с врагами еврейства» (Краинский 2016: 256). Когда были уничтожены все лица, связанные с процессом Бейлиса по так называемому делу Союза русского народа, Сорин «обратил внимание на существующий в Киеве клуб националистов. Быть русским националистом в глазах еврейства было величайшим преступлением. Постановлено было уничтожить всех членов» (Краинский 2016: 258).

Стоит отметить, что к свидетельствам Краинского надо относиться достаточно осторожно. Нет никаких сомнений, что он работал с реальными документами ЧК, но его собственные радикальные монархические и антисемитские взгляды приводили к тому, что он даже и не пытался в своих работах сохранить хоть какую-то объективность. Есть в его работах и различные мелкие погрешности, которые, впрочем, можно объяснить давностью лет и особенностями человеческой памяти. Так, например, в реальности в руках у чекистов были не «киевский календарь издания Оглоблина 1911 г.» и не список членов клуба за 1911 г., как писал об этом Шульгин. В фонде Особой следственной комиссии в ГАРФ сохранились документы киевской ЧК, среди которых есть и часть того самого алфавитного списка членов ККРН, по которому производились аресты (ГАРФ: 90–91 об.). На левой части списка буквой «к» помечено, кто из членов ККРН живет непосредственно в Киеве, а на правой – различные отметки (буква «н», крест, галочка), являющиеся, по всей видимости, результатом посещения указанных адресов. Из нумерации страниц списка можно сделать однозначный вывод, что он взят из «Сборника Клуба русских националистов», вышедшего в 1913 г. (Сборник 1913: 391–420).

Тем более что, похоже, «расстрельных» списков было несколько. В сентябре 1919 г. газета «Русь» сообщала, что обнаружены списки лиц, «подлежащих розыску и аресту». Первый из них был списком киевских кадетов, которые, кстати, всегда отличались филосемитизмом. Большинству руководителей местных кадетов удалось спастись, перейдя на нелегальное положение или покинув город. «Не менее любопытен и другой список, фигурировавший рядом с кадетским, – говорилось в статье. – Назывался он списком "беспартийного общества русских избранников" и включал пестрый ряд киевских общественных деятелей самых различных политических оттенков и направлений. Сюда вошли не только кадеты. Здесь наряду с Д.Н. Григоровичем-Барским и В.В. Шульгин, и проф[ессор] Г.В. Демченко, и Н.В. Стороженко, и много других менее известных имен. Воспользовалась ли чрезвычайка готовым списком или он представляет собою плод ее собственного измышления и творческих изысканий – неизвестно» (Чрезвычайка 1919: 3). Скорее всего, «Русь» перепутала кадета Д.Н. Григоровича-Барского с националистом К.П. Григоровичем-Барским, и речь идет про предвыборную листовку «Внепартийного блока русских избирателей», выпущенную в конце декабря 1917 г. или начале 1918 г. во время кампании в Учредительное собрание УНР (по фамилиям этот список частично пересекался со списком ККРН).

Кроме «еврейской», существовала и другая версия того, что стало причиной страшной участи клуба – условно ее можно назвать «боротьбистской». Связана она с украинскими левыми эсерами, членами Украинской партии социалистов-революционеров (коммунистов), некоторое время спустя преобразованной в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов). Сторонником этой версии был известный галицко-русский деятель и член ККРН Ю.А. Яворский, в 1919 г. находившийся в Киеве и избежавший участи своих одноклубников. Спасло его лишь то, что почему-то его фамилии не оказалось в том роковом списке за 1913 г., хотя он участвовал в деятельности клуба, как минимум, до начала 1914 г. Яворский писал в некрологе, посвященном его погибшему другу профессору Т.Д. Флоринскому, что тот был замучен «по коварному "украинскому" наущению темными и дикими большевицкими руками». Яворский полагал, что «украинская месть» настигла Флоринского в «большевицком кошмаре, когда по случаю восстания "украинского" эсера Григорьева его тайными единомышленниками в киевской "чрезвычайке" был коварно подтасован "красный террор" против... русских националистов, с Т.Д. Флоринским и П.Я. Армашевским во главе» (Яворский 1922: 7–8). Несмотря на некоторую конспирологичность данной версии (например, указание на связь чекистов с «григорьевцами»), нельзя отрицать того, что бу-

дущие «боротьбисты» в 1919 г. играли заметную роль в киевской ЧК и действительно могли повлиять на то или иное решение.

О роли украинских национал-коммунистов в деятельности ЧК есть и другие свидетельства. В июле 1919 г. киевской ЧК был расстрелян В.П. Науменко, в прошлом один из лидеров умеренного крыла украинского движения, бывший министр народного просвещения в последнем гетманском правительстве. Бывший ученик Науменко Ю.К. Рапопорт отмечал, что «на аресте и расстреле Науменки настояли украинские большевики-боротьбисты. Для этих двоерушников по призыванию, лукавых и похотливых, самое существование Владимира Павловича (все они его знали) было непрерывным оскорблением» (Рапопорт 1930: 239). Этой же версии придерживался основатель и президент Украинской академии наук В.И. Вернадский, считавший настоящими виновниками убийства Науменко «украинских националистов – большевиков-боротьбистов и укр[аинских] с.-р.» Сделали же они это потому, что Науменко мешал «их самостоятельности» (Вернадский 1997: 24). Нельзя исключать, что подобная мотивация могла быть и при ликвидации Клуба националистов. Кстати говоря, редакция «Киевлянина», тесно связанного с ККРН, была захвачена как раз левыми эсерами, издававшими в ней свои газеты «Борьба», «Боротьба» и «Красное знамя» (редактором последней некоторое время был видный чекист и украинский левый эсер В.И. Яковлев).

В официальном большевистском заявлении по поводу красного террора говорилось, что «расстрел клуба русских националистов, разбивая организацию "хлеборобов-собственников" – протофисовских Голицыных, Кочубеев и т. п., дает хороший урок и украинской черной сотне. Ударяя по помещичеству, он попадает в самое сердце кулацких бунтов, он выбивает фактическое руководство из рук лакейской партии незалежников и эсеров-активистов, "социалистов" Директории и т. п. сволочи, которая ведет вооруженную борьбу против Советской власти в интересах финансового капитала Украины и Антанты. Красный террор должен показать всей этой компании, что пролетариат, оказавшись в состоянии уничтожить барина, уничтожит и его слугу» (Красный террор 1919: 1).

Таким образом, клуб связывался и с «хлеборобами», бывшими опорой для гетмана, и с представителями левых украинских партий. Связь с «гетманцами» у отдельных членов клуба, очевидно, была, зато второе обвинение выглядит совершенно фантастическим и надуманным. Это заявление может частично и опровергать, и подтверждать «боротьбистскую» версию. С одной стороны, основной его посыл был все-таки направлен против украинских левых (но не тех, что сотрудничали с большевиками и работали в киевской ЧК, а тех,

что выступали на стороне УНР или пытались балансировать между петлюровцами и коммунистами – речь идет в первую очередь о «незалежниках», т. е. независимых украинских социал-демократах), с другой стороны, очень странно выглядит ситуация, когда, стремясь припугнуть этих самых украинских социалистов, расстреливают не их сторонников, а их заклятых врагов – русских националистов. Таким образом, вероятно, заявления Яворского имели под собой какие-то основания.

Если посмотреть на тех, кто руководил красным террором в Киеве в мае 1919 г., то там можно обнаружить и евреев (Сорин-Блувштейн, Рубинштейн), и украинских левых эсеров (Яковлев, Лашкевич). Краинский, как уже говорилось выше, отмечал в качестве членов комиссии по красному террору Лашкевича, В.И. Яковлева (Демидова) (1892–1935) и Н.Л. Рубинштейна (1890–1937), а как инициатора репрессий – И.И. Сорина (Блувштейна) (1893 – не ранее 1920). Лашкевич и Рубинштейн в том же статусе упомянуты в статье из газеты «Пролетарская правда» (Илюшін 1927: 3). При этом чекист М.И. Болеросов (Валер), арестованный белыми и давший обширные показания, утверждал, что в комиссию по проведению красного террора входили Рубинштейн, Большаков (от Всеукраинской ЧК) и неизвестное ему лицо от партии боротьбистов, редко бывавшее на заседаниях (НЧС 1925: 140). По его данным, весной 1919 г. всей деятельностью руководила комиссия ЧК, состоявшая из «Блувштейна ("Сорина"), Цвибака Самуила, Шуба, Фаермана, Кагана, Шварцмана Якова, Моти Гринштейна и четырех неевреев – Петра Дегтяренко, Савчука, Яковлева и, краткое время, Ковалева» (НЧС 1925: 121). «Я не ошибусь, если скажу, – сообщал Валер следователю, – что процентное соотношение евреев к остальным сотрудникам "чека" равнялось 75:25, а командные должности находились почти исключительно в их руках». По его словам, за этот период не было ни одной казни еврея (за исключением некоего сотрудника ЧК Каца), зато он был богат «особым оттенком работы (Союз русского народа, составление списков для проведения в жизнь красного террора) и благодушным отношением к делам евреев, по мнению большинства членов комиссии, по недоразумению не понимающих революции и ее задач» (НЧС 1925: 132). Кроме того, Валер утверждал, что Сорин ранее участвовал в расстреле Николая II и его семьи, что создавало вокруг него «особый революционный ореол» (НЧС 1925: 118). При этом все же стоит отметить, что если Сорин и был инициатором арестов членов клуба, то к вынесению смертных приговоров он отношения не имел, т.к. как был заменен на посту председателя губернской ЧК на Дегтяренко.

На наш взгляд, все-таки основной причиной уничтожения клуба стала та заметная роль, которую он играл на политической арене Киева последнее десятилетие перед революцией, а не национальная принадлежность тех или иных чекистов, хотя и этот фактор ни в коем случае нельзя отбрасывать. Ю.К. Рапопорт, кадет и сотрудник шульгинской «Азбуки», писал в своих воспоминаниях, что Киев был чуть ли не самым «правым» городом в России, и отмечал успешное выступление русского списка на выборах в Учредительное собрание. Кроме того, «Киев не был еще подточен тем, что разрушает жизнь глубже революции: голодом. В пестрых кирпичных домах при всех режимах семьи жили так же, как прежде, или старались так же жить и только крепче цеплялись за старые привычки, пока волны перекатывались через головы». Именно поэтому, по его мнению, «Киев решено было почистить» (Рапопорт 1930: 236). В подобном духе однажды высказался и сам Шульгин: «Среда "Клуба русских националистов" вообще была русско-купеческая. Может быть, поэтому-то и торчала она бельмом на глазу. Впрочем, "Клуб русских националистов" имел много прегрешений. Не он ли всеми силами поддерживал Столыпина? Не по его ли почину поставлен был памятник Петру Аркадьевичу против Киевской городской думы? <...> Разве это можно было простить? Разве можно простить людям, в XX веке вспомнившим, что в X Киев был колыбелью Руси и что обязанность – хранить национальную идею – не снята с него и до сих пор, через тысячу лет. Такое упрямство должно было быть наказано. И вот – "по списку"...» (Шульгин 1924а: 2).

В первом номере «Киевлянина», возрожденного после прихода в Киев белых войск, была напечатана статья Савенко «Памяти замученных», в которой он писал, что члены клуба «погибли за то, что любили Россию и русских. Убивая их, палачи-социалисты стремились убить Россию. Но убить Россию нельзя» (Савенко 1919а: 2). Он отмечал, что «недаром теперь наш клуб в русских кругах в г. Киеве называют "клубом русских мучеников"». Невольно скорбная мысль говорит: отчего они не бежали из Киева, не скрылись? Но это объясняется непреодолимостью их веры в человека: они недооценили всей глубины того падения, до которого доводит торжествующий социализм, не поняли, что в душах социалистов-властителей, захвативших власть, человек и все человеческое вытравлено без остатка» (Савенко 1919b: 1).

Была произведена эксгумация тел из массовых захоронений, в результате которой многие жертвы были опознаны родными и похоронены на разных кладбищах Киева – Аскольдовой могиле (Т.Д. Флоринский), Покровского монастыря (Н.В. Мальшин), Старо-Вознесенской церкви (И.П. Матченко), Лукьяновском (А.П. Слинко), Байковом. В настоящее время уцелело лишь захоронение К.Ф. Стан-

кова на Байковом кладбище (см. рис. 3). На протяжении нескольких недель на страницах «Киевлянина» практически ежедневно публиковались некрологи погибшим членам клуба и сообщения об очередных похоронах, на которых непременно выступал с памятными речами Савенко. Работа клуба возобновлена не была, хотя некоторые из оставшихся в живых его членов не прекратили политическую деятельность, сотрудничая с возглавляемым Савенко киевским отделением Отдела пропаганды при главнокомандующем ВСЮР.

Рис. 3. Могила К.Ф. Станкова на Байковом кладбище (Киев).

В готовившемся выпуске журнала «Малая Русь» планировалось сделать особый раздел «Книга русской скорби», «в котором будут помещены портреты и некрологи замученных русских людей и будет дано описание их мученичества» (От редакции 1919: 2). Изначально даже была идея похоронить всех расстрелянных членов клуба в одном месте, а над их могилами построить храм-памятник (К погребению 1919: 2). В конце концов было решено совершать ежегодно 18 августа (в день освобождения Киева) поминальные службы во всех православных и инославных храмах, молельнях и синагогах, а после православных служб проводить крестный ход из храмов на Софийскую площадь. Кроме того, у зданий бывших чрезвычайек пла-

нировалось поставить кресты с именами погибших (Увековечение 1919: 2). Ничего из запланированного так и не было реализовано – белым пришлось оставить Киев 16 декабря 1919 г.

Подведем итоги. ККРН, благодаря успеху «русского списка» на выборах, а также своей деятельности прошлых лет (поддержка Столыпина, дело Бейлиса, сотрудничество с галицко-русским движением и призывы присоединить Галичину к России и т. д.), был в глазах большевиков организацией, несомненно, враждебной, «империалистической», «буржуазной» и «контрреволюционной». Утверждения, что уничтожение клуба было санкционировано Троцким или стало результатом целенаправленной и осознанной деятельности еврейства как такового, избравшего своим орудием чекистов и мстящего клубу за дело Бейлиса, выглядят не очень убедительно, т. к. репрессиям подвергались и кадеты, которые до революции были партией абсолютно проеврейской. Скорее дело в том, что Клуб националистов был самой заметной «контрреволюционной» организацией в Киеве и во всем юго-западном регионе (пусть к тому времени фактически не действующей, но являющейся важным символом), поэтому самый мощный удар пришелся именно по нему, и вряд ли его можно было избежать. Если бы даже киевская ЧК целиком состояла из русских, итог не мог быть иным. Но при этом специфика этнического состава киевской ЧК, несомненно, сыграла свою зловещую роль. Напряженные межэтнические отношения в регионе и желание отомстить за старые обиды привели к тому, что чекисты выполняли свою кровавую «работу» со всем рвением и старанием. Клуб оказался идеальной мишенью и для большевиков-евреев, и для украинских левых эсеров: можно было, оставаясь вполне в русле большевистской идеи уничтожения классовых врагов, заодно уничтожить и врагов национальных, тем самым расчистив площадку для реализации собственных «национал-коммунистических» проектов. К тому же нельзя исключать и значение более низменных мотивов рядовых чекистов, желавших просто-напросто ограбить арестованных, многие из которых были обеспеченными людьми.

ЛИТЕРАТУРА

HIA - Hoover Institution Archives. P.N. Vrangeli Collection. Box 30. Folder 6. Сообщение «Аза» от 2 января 1919 г.

Vendetta 1919 - Vendetta. Так было // Киевлянин. 1919. 13 сентября. № 20.

Вернадский 1997 - *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. Киев: Наукова думка, 1997.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 201.

Гольденвейзер 1922 - *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917–1921 гг.) // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1922. Т. VI.

Илюшін 1927 - *Илюшін.* Революційна путь Київської ЧК (Спогади) // Пролетарська правда. 1927. 18 грудня. № 289 (1902).

Кальченко 2008 - *Кальченко Т.В.* Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев: Киевские ведомости, 2008.

К погребению 1919 - К погребению жертв социалистического террора // Киевлянин. 1919. 24 августа. № 4.

Киевская Гекатомба 1919 - Киевская Гекатомба (Список жертв киевской чрезвычайки) // Великая Россия. 1919. 13 (26) июля. № 255.

Краинский 2016 - *Краинский Н.В.* Психofilm русской революции. М.: Институт русской цивилизации, 2016.

Краинский 1924 - *Краинский Н.* Кое-что о Раковском и Иоффе // Новое время. 1924. 30 ноября. № 1080.

Красный террор 1919 - Красный террор // Большевик. 1919. 24 мая. № 35.

КТГО 2010 - Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис-Пресс, 2010.

Наслідки 1918 - Наслідки голосування по Київській виборчій окрузі // Вісти Головної комісії по справах виборів до Установчих зборів Української Народньої Республіки. 1918. 4 квітня. № 16. Стб. 9–10.

НЧС 1924 - Материалы и документы из деятельности Ч.К. (По данным Деникинской комиссии) // На чужой стороне. 1924. № 4.

НЧС 1925 - Чекист о Ч.К. // На чужой стороне. 1925. № 9.

ОГА СБУ 1 - Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Д. 37872-ФП.

ОГА СБУ 2 - ОГА СБУ. Д. 73850-ФП.

От редакции 1919 - От редакции сборника «Малая Русь» // Киевлянин. 1919. 29 августа. № 8.

Рапопорт 1930 - *Рапопорт Ю.К.* У красных и белых // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1930. Т. XX.

Расстрел 1919a - Расстрел контрреволюционеров // Большевик. 1919. 24 мая. № 35.

Расстрел 1919b - Расстрел бандитов и провокаторов // Большевик. 1919. 12 июля. № 75.

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1301.

Савенко 1919a - *Савенко А.* Памяти замученных // Киевлянин. 1919. 21 августа. № 1.

Савенко 1919b - *Савенко А.* Заметки. V // Киевлянин. 1919. 11 сентября. № 18.

Сборник 1913 - Сборник Клуба русских националистов. Выпуск четвертый и пятый. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1913.

Троцкий 1926 - *Троцкий Л.* Речь на рабочем митинге в Киеве 20 мая 1919 г.

// Троцкий Л. Сочинения. Т. XVII: Советская республика и капиталистический мир, ч. II: Гражданская война. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

Увековечение 1919 - Увековечение памяти мучеников // Киевлянин. 1919. 29 августа. № 8.

ЦГАООУ 1 - Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 263. Оп. 1. Д. 68578.

ЦГАООУ 2 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68588.

ЦГАООУ 3 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68644.

ЦГАООУ 4 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68652.

ЦГАООУ 5 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68777.

ЦГАООУ 6 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69301.

ЦГАООУ 7 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69303.

ЦГАООУ 8 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 72513.

Чрезвычайка 1919 - «Чрезвычайка» и киевские кадеты // Русь. 1919. 26 сентября (9 октября). № 38.

Шульгин 1924a - Шульгин В. Слезы и цветы (1919 г.). II // Новое время. 1924. 7 сентября. № 1008.

Шульгин 1924b - Шульгин В. Слезы и цветы (1919 г.). III // Новое время. 1924. 12 сентября. № 1012.

Шульгин 1929 - Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». Об антисемитизме в России. Париж: Russia Minor, 1929.

Яворский 1922 - Яворский Ю.А. Из галицко-русского помянника. Шесть некрологов. Львов, 1922.

REFERENCES

Hoover Institution Archives. (1919) *P.N. Vrangal Collection*. Box 30. Folder 6. Message "Aza" by January 2, 1919.

Anon. (1919) Vendetta. Tak bylo [Vendetta. So it was]. *Kievlyanin*. 13th September.

Vernadskiy, V.I. (1997) *Dnevniky 1917–1921. Yanvar' 1920 – mart 1921* [The Diaries of 1917–1921. January 1920–March 1921]. Kyev: Naukova dumka.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-470. List 2. File 201.

Goldenweiser, A.A. (1922) Iz kievskikh vospominaniy (1917–1921 gg.) [From the Kiev memoirs (1917–1921)]. In: Rodzyanko, M.V. et al. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [The Archive of the Russian Revolution]. Vol. 6. Berlin: Slovo.

Ilyushin. (1927) Revolyutsiyna put' Kiivs'koï ChK (Spogadi) [The revolutionary way of the Kiev Cheka (Memories)]. *Proletars'ka pravda*. 18th December.

Kalchenko, T.V. (2008) *Kievskiy klub russkikh natsionalistov. Istoricheskaya*

entsiklopediya [The Kiev Club of Russian Nationalists. A Historical Encyclopedia]. Kyiv: Kievskie Vedomosti.

Anon. (1919a) K pogrebeniyu zhertv sotsialisticheskogo terrora [To the burial of victims of socialist terror]. *Kievlyanin*. 24th August.

Anon. (1919b) Kievskaya Gekatomba (Spisok zhertv kievskoy chrezvychayki) [The Kiev Hecatombe (The List of victims of the Kiev Cheka)]. *Velikaya Rossiya*. 13th (26th) July.

Krainskiy, N.V. (2016) *Psikhofil'm russkoy revolyutsii* [Psychofilm of the Russian Revolution]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

Krainskiy, N. (1924) Koe-chno o Rakovskom i Ioffe [Something about Rakovsky and Ioffe]. *Novoe vremya*. 30th November.

Anon. (1919) Krasnyy terror [Red Terror]. *Bol'shevik*. 24th May.

Volkova, S. (ed.) (2010) *Krasnyy terror glazami ochevidtsev* [Red Terror Eye Beholder]. Moscow: Ayris-Press.

Anon. (1918) Naslidki goslovuvannya po Kiivs'kiy viborchiy okruzi [Voting results for the Kiev electoral district]. *Visti Golovnoi komisii po spravakh vioriv do Ustanovchikh zboriv Ukraïns'koï Narodn'oi Respubliki*. 4th April. Col. 9–10.

Anon. (1924) Materialy i dokumenty iz deyatel'nosti Ch.K. (Po dannym Denikinskoy komissii) [Materials and documents from the activities of Cheka (According to the Denikin Commission)]. *Na chuzhoy storone*. 4.

Anon. (1925) Chekist o Ch.K [The Chekist about Cheka]. *Na chuzhoy storone*. 9.

The State Archive of the Security Service of Ukraine. (n.d.) D. 37872-FP.

The State Archive of the Security Service of Ukraine. (n.d.) D. 73850-FP.

Anon. (1919) Ot redaktsii sbornika "Malaya Rus'" [From the editorial board of the collection "Little Russia"]. *Kievlyanin*. 29th August.

Rapoport, Yu.K. (1930) U krasnykh i belykh [With the Red and the White]. In: Rodzyanko, M.V. et al. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [The Archive of the Russian Revolution]. Vol. 20. Berlin: Slovo.

Anon. (1919a) Rasstrel kontrrevolyutsionerov [The shooting of counterrevolutionaries]. *Bol'shevik*. 24th May.

Anon. (1919b) Rasstrel banditov i provokatorov [Shooting bandits and provocateurs]. *Bol'shevik*. 12th July.

The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 5. File 1301.

Savenko, A. (1919a) Pamyati zamuchennykh [In memory of the tortured]. *Kievlyanin*. 21st August.

Savenko, A. (1919b) Zametki. V [Notes. V]. *Kievlyanin*. 11th September.

The Club of Russian Nationalists. (1913) *Sbornik Kluba russkikh natsionalistov* [The Collection of the Club of Russian Nationalists]. Issues 4–5. Kyiv: Tipografiya S.V. Kulzhenko.

Trotsky, L. (1926) *Sochineniya* [Works]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.

Anon. (1919) Uvekovechenie pamyati muchenikov [Perpetuation of the memory of martyrs]. *Kievlyanin*. 29th August.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68578.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68588.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68644.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68652.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68777.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 69301.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 69303.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOUU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 72513.

Anon. (1919) "Chrezvychayka" i kievskie kadety [Cheka and the Kiev Cadets]. *Rus'*. 26th September.

Shulgin, V. (1924a) Slezы i tsvety (1919 g.). II [Tears and flowers. II]. *Novoe vremya*. 7th September.

Shulgin, V. (1924b) Slezы i tsvety (1919 g.). III [Tears and flowers. III]. *Novoe vremya*. 12th September.

Shulgin, V.V. (1929) "Chto nam v nikh ne nravitsya . . ." *Ob antisemitizme v Rossii* ["What we do not like about them . . ." About anti-Semitism in Russia]. Paris: Russia Minor.

Yavorskiy, Yu.A. (1922) *Iz galitsko-russkogo pomyannika. Shest' nekrologov* [From the Galician-Russian necrology. Six obituaries]. Lviv: Stauropegion Institute.

Кальченко Тимур Валерьевич – доктор экономических наук, профессор кафедры международного менеджмента Киевского национального экономического университета им. Вадима Гетьмана (Украина).

Timur Kalchenko – Vadym Hetman Kyiv National Economic University (Ukraine).

E-mail: timur20101@yandex.ua

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, Санкт-Петербург (Россия).

Anton Chemakin – Saint Petersburg (Russia).

E-mail: chemakinanton@rambler.ru